

Оглавление

- Волков А. В. Летописный сюжет в художественной трактовке Я. Княжнина (трагедия «Владимир и Ярополк») и М. Хераскова (трагедия «Идолопоклонники, или Горислава»)
- Дьячкова И. Н. На обе стороны, за обе щёки: исторический комментарий к употреблению субстантивных форм множественного числа в сочетаниях с лексемами оба, обе (на материале русского литературного языка XVIII века)
- Карева Н.В. К вопросу о классификации видовременных форм глагола в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова
- Кузнецова Е.К. Библиейские цитаты и реминисценции в неоконченной повести А. Н. Радищева «Положив непреборимую преграду...»
- Магала М. В. Публикация произведений Феофана Прокоповича в XVIII–XXI вв.
- Николашина Д. Н. Женский портрет в русском лубочном романе
- Попов В. Н. Н.Е. Струйский и митрополит Платон (Левшин)
- Тюлькина Т. Н. Семантика глагола иметь в языке деловой письменности Забайкалья XVIII века
- Хребто А. В. Поэтическая традиция в Троицкой Лаврской семинарии в 1744–1806 гг.

Летописный сюжет в художественной трактовке Я. Княжнина (трагедия «Владимир и Ярополк») и М. Хераскова (трагедия «Идолопоклонники, или Горислава»)

Волков Александр Викторович

Студент Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия

Образ киевского князя Владимира Святославича проходит через всю русскую литературу XVIII века. Неоднократно появлялся он и на театральных подмостках. Ему посвящены пьесы крупнейших представителей русского классицизма – трагедии Я. Княжнина «Владимир и Ярополк» (1772, пост. 1784) и М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава» (1782). Характеристики этих пьес при общем обзоре творчества писателей давались Л. Кулаковой, А. Западковым, Ю. Стенником; более подробный разбор пьесы Хераскова представлен в статье Л. Пастушенко «Идейно-художественное своеобразие трагедии М.М.Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава». Сравнения двух этих пьес не проводилось.

В своей пьесе Княжнин, как известно, применил сюжетную схему трагедии Ж. Расина «Андромаха». Однако в отличие от французского предшественника, заимствовавшего сюжет из античной мифологии, русский драматург использовал материал отечественной истории. Вольное обращение Княжнина с историческими фактами заметно с первых страниц трагедии. В первом же явлении мы узнаем о желании Ярополка, влюбленного в пленную греческую княжну Клеомену, вернуть грекам завоеванный его отцом Святославом Херсонес. События, лежащие в основе пьесы, в «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), известной к тому времени в составе Радзивилловской и Никоновской летописей, датированы 980 г. Херсонес же был взят только в 988 г. Владимиром Святославичем. Однако причиной этой вольности едва ли можно считать недостаточное знание истории или писательский произвол. Трагедия Княжнина создавалась во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда русскими войсками были заняты территории Крыма, в частности, бывших греческих поселений. Ярополк, готовый вернуть Византии отвоеванные у нее территории, представал в глазах читателей и зрителей трагедии Княжнина как враг российской государственности, и его образ приобретал дополнительные негативные черты.

Событиям трагедии, согласно ПВЛ и «Киевскому синопсису», предшествовал поход Владимира на Полоцк, в результате которого была взята в плен Рогнеда. Необходимо отметить, что Рогнеда отвергла сватовство Владимира по причине его происхождения, т. к. он был сыном рабыни, одной из жен Святослава. В трагедии Княжнина не упомянуты ни взятие Полоцка, ни имя отца Рогнеды Рогволда. По-видимому, Княжнин не считал взятие Полоцка столь значимым в историческом плане событием, как, например, взятие Херсонеса. Не упоминает Княжнин и о том, что Владимир был сыном рабыни – герой классицистической трагедии не мог иметь низкого происхождения. На распространенность в дохристианской Руси многоженства Княжнин также не дает указаний; в отношении брака его герои действуют сообразно нормам, принятым в обществе середины XVIII века и вообще христианском обществе.

В ПВЛ начало княжения Владимира показано как период расцвета язычества. В трагедии Княжнина, напротив, неоднократно встречаются заявления Владимира о готовности пренебречь языческими богами ради своих интересов. Более того, в финале трагедии Владимир, получивший по смерти Ярополка единоличную власть, предстает человеком, готовым к принятию христианства. В XVIII в. князь Владимир воспринимался как креститель Руси и православный святой, и изображение его в художественном произведении как ревностного язычника было невозможным.

В основе трагедии Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава» лежит рассказ о покушении Рогнеды на Владимира в 987 г., помещенный в Никоновской летописи под 1128 г. Однако Херасков описывает это событие в общем контексте княжения Владимира, привлекая материал из самой ПВЛ. Важнейшее место в трагедии занимает изображение

древнерусского язычества. Несмотря на то, что Владимир в пьесе представлен в период отказа от язычества, Херасков, в отличие от Княжнина, ретроспективно изображает процветание язычества в первые годы правления Владимира. При этом связанные с идолопоклонничеством древнерусские реалии переданы драматургом крайне непоследовательно: в трагедии капища упоминаются наравне с храмами, языческие идолы изображаются то каменными, то деревянными. Причина этой непоследовательности состоит в том, что Херасков не смог преодолеть традицию сопоставления славянского и античного язычества, ведущую происхождение от средневековых польских летописцев и продолженную в России Ломоносовым.

Другое отличие Хераскова от Княжнина заключается в том, что он не отступает от исторической правды в изображении древнерусского института брака и упоминает многоженство Владимира. Однако, как и Княжнин, следуя канонам классицистической трагедии, Херасков умалчивает о происхождении Владимира от рабыни.

В образе главного противника Владимира, великого жреца Золибы, мы находим немало сходства с языческими жрецами из «Владимира» Феофана Прокоповича. Подобно тому, как перед Жериволом в пьесе Феофана Прокоповича предстает взывающий к мести убиенный Ярополк, Золибе является тень Рогволда, отца Рогнеды, также требующего отмщения за свою смерть. Если в образах жрецов из пьесы Феофана Прокоповича угадывается оппозиционное Петру I духовенство, то во многих речах Золибы можно найти сходство с либеральными идеями дворянской оппозиции времен Екатерины II. Херасков, как и Княжнин, представляет Владимира абсолютным монархом, воплощая в его образе идею о единстве православия и самодержавия.

Херасков в «Идолопоклонниках» намного точнее, чем Княжнин во «Владимире и Ярополке», воспроизводит описанные в летописях события, хотя и допускает некоторую непоследовательность в передаче древнерусских реалий, и его пьеса знаменует движение русской драматургии в сторону большей историчности. Сходство пьес состоит в том, что становление христианства и укрепление единоличной княжеской власти на Руси показаны неотделимо друг от друга, и Владимир представлен как образец самодержавного властителя.

**На обе стороны, за обе щеки: исторический комментарий к употреблению
субстантивных форм множественного числа в сочетаниях с лексемами *оба, обе* (на
материале русского литературного языка XVIII века)**

Дьячкова Ирина Николаевна

Молодой ученый, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Наименования *оба – обѣ* в современном русском языке традиционно относятся к разряду собирательных числительных (при условии признания этой лексико-семантической группы числовых имен), хотя и обнаруживают существенные отличия от последних как в семантическом, так и в грамматическом аспекте.

В древнерусском языке рассматриваемые лексемы грамматически были подобны нумеративам *два – двѣ*: они также изменялись по двойственному числу и имели соответствующие формы согласования с существительными - «*оба багряная стѣла*» (Сл.о пл. Игор.); «*отъ обою страну*» (Поуч. Моном.); «*межи обѣма полкома*» (Лавр.). В отношениях дополнительной дистрибуции к *оба – обѣ* при субстантивах ед. и мн. числа употреблялись родственные собирательно-распределительные образования *обой, обоя, обое, обои*, которые, как известно, в ходе развития грамматической системы русского языка вышли из употребления (см., однако, устойч. оборот – *обоего пола*).

Непосредственной причиной расхождения судеб числительных *оба - обѣ* и *два - двѣ* стало разрушение в языке двойственного числа, в результате чего количественное наименование попало под влияние генетически родственных нумеративов *три, четыре*, а

оба формально стало сближаться с однокоренными собирательными лексемами. Это влияние до сих пор отмечалось исследователями только в словоизменении рассматриваемых наименований [Дровникова: 12; Супрун: 65], однако, как нам кажется, следы воздействия исчезнувших собирательных форм можно обнаружить и в их синтагматике.

Как известно, современные количественно-именные конструкции с *оба – обе* в И. – В. п. формально совпадают с соответствующими соединениями числительных *два, три, четыре (два, три, четыре дня – оба дня)*, где в русском языке закрепились грамматически переосмысленная бывшая субстантивная форма дв. числа. Это обстоятельство, по всей видимости, стало источником уверенности в том, что какие-либо формальные преобразования в номинативах сочетаний с лексемами *оба – обѣ* в диахронии не происходили. Между тем некоторые факты заставляют усомниться в столь однозначном решении данного вопроса: мы имеем в виду хорошо известные выражения – *за обе щеки, на обе стороны*, где по не вполне понятным причинам в современном литературном языке устойчиво употребляется формы мн.ч. субстантивов.

По нашим данным, ни в одном исследовании, посвященном истории числительных в языке донационального периода, подобные прецеденты зафиксированы не были (см. работы А. А. Шахматова, Л. А. Булаховского, И. М. Багрянского, Л. Н. Дровниковой, В. М. Маркова, О. Ф. Жолобова), что обусловило наше обращение к более позднему периоду в эволюции нумеративов – эпохе формирования национального литературного языка.

На основе достаточно обширного материала (ок. 350 контекстов), извлеченного из разножанровых памятников литературно-письменного языка XVIII века, удалось установить, что сочетания с субстантивными формами мн. ч. при *оба – обѣ* встречаются в языковой практике исследуемого периода достаточно часто, особенно это характерно для текстов Петровской эпохи. См. примеры: *оба она перечни* (Арифм. Магн.); *обѣ щоки* (Артил. Брауна); *обще оба государи договариваться повинны будутъ* (ПСЗ, т. 4); *оба концы накрѣпко заплавлены* (Вольф. физ.); *оба шарички равной діаметръ имѣють* (Опис. комет.); *оба первыи гражданае* (Тредиак., Истор.); *оба случаи* (Опис. Камч.); *оба флоты... смѣшашаються* (Голен. – Кутуз., Флот); *оба сіи стихотворцы* (Радищев, ППМ); *оба сіи звѣри* (Фонв. Басни) и др.

Любопытно, что конструкции современного типа с именами мужского рода в литературной практике первой половины столетия преобладают незначительно – в нашем материале 15 таких сочетаний при 10 примерах с согласованием по мн.ч.; с 50-х гг. это соотношение несколько изменяется (23:7), но вытеснения сочетаний с субстантивными формами мн.ч. из употребления так и не происходит.

Указанное обстоятельство подтверждается данными грамматических руководств второй половины XVIII века. Так, у А. А. Барсова мы находим следующее замечание о сочетаемости лексем *оба – обѣ* и существительных: «*Оба... принимаетъ существительное въ родительномъ падежѣ единственнаго числа: хотя и полное согласіе не совсѣмъ отвергается на пр. оба брата были, или оба братья; ... оба дѣла слушаны, или оба дѣла...*» [Барсов: 173]. Основной предпосылкой к установлению нового вида синтаксической связи с существительными *оба – обѣ*, которое мы наблюдаем в XVIII столетии, по нашему мнению, необходимо считать сближение данных лексем с соответствующими формами собирательного образования *обои* и собирательными числительными вообще, также сохраняющимися в этот период номинативные конструкции с согласованием (*двои книги, шестеры вилы* и под.).

О полном, как смысловом, так и формальном, отождествлении лексем *оба* и *обои* на данном этапе свидетельствует дальнейшая судьба бывшей дистрибутивной формы: не имевший (в отличие от других собирательных числительных) ярко выраженной

семантической и функциональной специализации номинатив множественного числа *обои*, встречающийся в языке петровского периода практически в одних и тех же позициях с лексемами *оба – обь*, исчезает из литературного употребления, по нашим данным, уже в 30-х гг. XVIII века.

Что же касается конструкций с согласованием типа *оба братья, обе руки*, то они окончательно выходят за пределы литературного языка только в конце XIX – нач. XX вв., разделяя тем самым судьбу соответствующих соединений с собирательными числительными, что еще раз подтверждает взаимосвязь формальной эволюции названных лексем.

Литература

Барсов А. А. «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. М., 1981.

Дровникова Л. Н. Имя числительное в русском языке XI – XVII вв. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 1959.

Супрун А. Е. О русских числительных. Фрунзе, 1959.

К вопросу о классификации видовременных форм глагола в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова

Карева Наталия Владимировна

Аспирантка, младший научный сотрудник Института лингвистических исследований
РАН, Санкт-Петербург, Россия

Мы ставим перед собой задачу описать грамматическую категорию времени в «Российской грамматике» (1757) и сравнить классификацию глагольных времен Ломоносова с классификациями в грамматиках М. Смотрицкого (1619) и В.Е. Адодурова (1731). Это сопоставление позволит определить, на какую грамматическую традицию ориентировался автор «Российской грамматики».

Ломоносов хотел описать в единой классификации не только временные, но и видовые значения глагола. Отталкивался он от этимологического критерия. В зависимости от того, являлся ли глагол простым (*даю*) или сложным (*отдаю, благодарствую*), он обладал различной способностью образовывать временные формы [Ломоносов: 480].

от простых		
(1) настоящее	<i>трясу, глотаю</i>	
(2) прошедшее неопределенное	<i>трясь, глоталь</i>	«некоторое деяния продолжение или учащение»
(3) прошедшее однократное	<i>тряхнул, глотнул</i>	«деяние, совершенное однажды»
(4) давнопрошедшее первое	<i>тряхиваль, глатываль</i>	«закljučают в себе учащение или продолжение <...> и имеют знаменование одно старее другого»
(5) давнопрошедшее второе	<i>бывало трясь, бывало глоталь</i>	
(6) давнопрошедшее третье	<i>бывало трясываль, глатывал</i>	
(7) будущее неопределенное	<i>буду трясти, стану глотать</i>	«будущее деяние, которого совершение неизвестно»
(8) будущее однократное	<i>тряхну, глотну</i>	«деяние, которое только однажды свершится»
от сложных		
(9) прошедшее совершенное	<i>написаль</i>	«полное совершение деяния»
(10) будущее совершенное	<i>напишу</i>	

Там, где современная лингвистика предполагает существование двух глаголов, один из которых образован от другого с помощью перфективного суффикса, Ломоносов видел временные формы одного глагола. Ломоносов чувствовал, что префикс может менять аспектное значение глагола: *через сложение съ предлогами получают времена часто новыя знаменованія и большую силу* [Ломоносов: 681]. Однако тот факт, что глагол обязательно вступает в парные видовые отношения, так и не был им осознан. Понятие глагольного вида было знакомо славянской грамматической традиции XVII–XVIII века, однако сам термин использовался для этимологической характеристики слова.

На какую традицию ориентировался Ломоносов, создавая классификацию видовременных форм глагола? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы обратимся к доломоносовским грамматикам русского языка.

Вопрос об источниках «Российской грамматики» – непростой. Ломоносов стремился создать научное описание современного ему русского литературного языка и видел себя новатором в этой области. Он следующим образом характеризовал свой труд и работы своих предшественников: *Сію грамматику не выдаю за полную, но только опытъ, ибо еще никакой нѣтъ, кромѣ славенской и малинькой в лексиконе, весьма несовершенной и во многихъ мѣстахъ не<<справедливой>>исправной* [Ломоносов: 691]. Речь шла о «Грамматике словенския правильное синтагма» М. Смотрицкого (1619) и об «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В.Е. Адодурова (1731).

В «Грамматике словенской» Смотрицкого глаголы имели шесть времен [Смотрицкий: 289]:

(1) настоящее	<i>бію: біюся или біенъ бываю</i>	«им же настоящее дѣйство или страданіе знаменуемъ»
(2) преходящее	<i>бихъ: бихся или біенъ есмь и быхъ</i>	«несовершенно прешлое дѣйство или страданіе знаменуемъ»
(3) прешедшее	<i>бяхъся или біанъ есмь или быхъ</i>	«им же Совершенно прешлое дѣйство или страданіе знаменуемъ»
(4) мимошедшее	<i>біахъ: біяхся или біанъ бывахъ</i>	«им же древле совершенно прешедшее дѣйство или страданіе знаменуемъ»
(5) непредѣльное	<i>побихъся или побіенъ быхъ</i>	«им же в малѣ совершенно прешлое дѣйство или страданіе знаменуемъ»
(6) будущее	<i>побію: побіюся или побіенъ буду</i>	«им же грядущее дѣйство или страданіе знаменуемъ»

Категория совершенного / несовершенного вида имплицитно присутствовала – так, Смотрицкий выделил преходящее / прешедшее время в зависимости от того, является ли действие законченным или нет. Ломоносов отталкивался от классификации Смотрицкого, отказываясь от одних его категорий, но сохраняя другие, позволяющие описать языковую реальность XVIII столетия.

В.Е. Адодуров выступал против употребления устаревших старославянских слов и форм и призывал ориентироваться на разговорную речь. В «Anfangs-Gründe» он выделил три времени: Praesens, Praeteritum и Futurum, отметив существование двух форм Futurum (*напишу, буду писать*). Адодуров считал, что сложные прошедшие времена незнакомы русскому языку. Эти нюансы значения передаются в русском языке с помощью наречий: *я недавно читал (ich laß)* или *я давно читал (ich hatte gelesen)* (Unbegaun: 39).

Ориентация на разговорную речь характеризует не только «Anfangs-Gründe», но и многие другие доломоносовские грамматики, особенно те, что были написаны в петровскую эпоху (грамматики Г.В. Лудольфа, И.Э. Глюка, Э. Копиевича). Они создавались иностранцами как практические руководства для желающих изучать русский

язык. Глагольная парадигма этих грамматик представляла собой заполненную современными формами латинскую схему.

Концепция «Российской грамматики» была иной. Ломоносов подчеркивал, что русский язык изобилует *множеством речений и выражений разума* [Ломоносов: 587] благодаря своей связи со старославянским языком. Представляется вероятным, что подробная классификация видовременных значений глагола была разработана Ломоносовым потому, что он ориентировался на традицию церковной книжности, в рамках которой слово и его грамматическая форма воспринимались как освященная традицией неконвенциональная целостность. В середине XVIII века семиотический статус слова оставался проблемной величиной, и Ломоносов, задумывая свою классификацию, предполагал существование контекстов, в которых употребление той или иной временной формы могло иметь экзистенциальную значимость.

Литература

Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е.А. Кузьминова. М., 2000.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7.

Unbegaun B.O. Drei russische Grammatiken. München, 1969.

Библейские цитаты и реминисценции в неоконченной повести А. Н. Радищева «Положив непреоборимую преграду....»

Кузнецова Елена Константиновна

Аспирантка Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Художественное своеобразие творчества А. Н. Радищева и сила воздействия его идей на читателя во многом определяется использованием «высокого стиля». Писатель выходит за границы «высокого стиля», определенные М. В. Ломоносовым, он использует не только церковнославянизмы, «россиянам вразумительные и не весьма обветшалые», но и характерные для церковных текстов архаичные употребления слов и форм, синтаксических конструкций (аорист, формы причастий на *-ай, -яй*, дательный самостоятельный и др.). Исследователи (Ю. М. Лотман, Е. Д. Кукушкина) отмечали наличие в его текстах прямых цитат, а также аллюзий и реминисценций из Библии. Н. Д. Кочеткова выделяет в «Путешествии из Петербурга в Москву» исповедальное начало и элементы проповеди [Кочеткова: 78]. В «Путешествии» были выявлены обращения к Богу, которые представляют собой вариации молитв, в частности, молитвы «Отче наш» [Кузнецова: 169].

Неоконченная повесть о Филарете Милостивом представляет особый интерес благодаря той роли, которую играют в ней библейские цитаты и реминисценции. Учитывая обстоятельства создания этого произведения (А. Н. Радищев писал его в крепости в ожидании смертного приговора), обретает особый смысл использование в нем таких значимых в культурологическом отношении цитат, как слова Нагорной проповеди Христа. В нашей работе выявляется роль библейских реминисценций в повести «Положив непреоборимую преграду...», а также в письмах к С. И. Шешковскому, в «Завещании детям»; в качестве контекста привлекаются ответы писателя на следствии по делу о «Путешествии из Петербурга в Москву».

Система цитирования, умолчаний, интерпретаций, связанных с текстом Библии, открывает в повести о Филарете Милостивом три уровня адресации текста, которые объединены апологией автора. К адресатам-обвинителям, в первую очередь, С. И. Шешковскому и Екатерине II, обращены цитаты из псалмов Давида, подчеркивающие степень раскаяния автора и смиренную надежду на милосердие. Частое употребление имени Христа в начале повести, в таких контекстах как «правила Христова евангелия», «заповеди Христовы», «закон Христов», представляет собой код,

символизирующий единство религиозных воззрений автора и предполагаемого читателя, призванный хотя бы отчасти снять с автора обвинение в деизме.

Адресатами являются также дети А. Н. Радищева, которым предназначаются рассуждения Филарета, облеченные в форму проповеди и философского диалога. Здесь изложены взгляды автора на проблему воспитания, взаимоотношений родителей и детей, нравственного совершенствования человека, бессмертия души, которые впоследствии нашли отражение в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии».

Сочинение обращено также к будущим поколениям читателей. Для них писатель раскрывает свое понимание роли личности в обществе и истории. Этой цели служит цитата из Нагорной проповеди из Евангелия от Матфея, где говорится о девяти блаженствах. Она является наиболее узнаваемой в тексте повести: *Послушай словес Христовых, и кого он учил блаженными быти: Блаженны нищие духом, блаженны кроткия, блаженны алчущия и жаждущия правды, блаженны милостивии; блаженны чистые сердцем; блаженны миротворцы. Радуйтесь и веселитесь, глаголет богочеловек, мзда ваша многа* [Радищев: 599].

А. Н. Радищев сокращает эту цитату, опуская три «блаженства»: плачущих, изгнанных правды ради и тех, кого гонят из-за веры в Христа: *Радуйтесь и веселитесь, глаголет богочеловек, мзда ваша многа*. Христос называется у А. Н. Радищева «богочеловеком» неоднократно, а частности, в «Путешествии из Петербурга в Москву», в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии». Автор не пишет, что «мзда многа на небесах», он не упоминает в своей цитате те дары, которыми будут вознаграждены «нищие духом», «алчущие и жаждущие правды» и другие, возможно, потому, что он сомневается в существовании загробной жизни и бессмертии души, но твердо уверен в бессмертии мысли. Он считает, что идеи выдающейся личности, научные открытия или смелые философские суждения переживают человека и обеспечивают ему «социальное» бессмертие – в людской памяти.

В тексте цитаты и реминисценции из Библии несут значительную идеологическую нагрузку. Рассмотрение повести о Филарете Милостивом в контексте документов следствия расширяет наши представления об автобиографическом дискурсе А. Н. Радищева.

Литература

Кочеткова Н. Д. Исповедь в русской литературе конца XVIII в. // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 71–99.

Кузнецова Е. К. Модификация молитвы в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. // Святоотеческие традиции в русской литературе. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Ч. I. Омск, 2009. С. 167–170.

Радищев А. Н. Сочинения. М., 1988.

Публикация произведений Феофана Прокоповича в XVIII–XXI вв.

Магала Мария Валерьевна

Студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Литературное и публицистическое наследие Феофана Прокоповича многообразно. Традиция изданий художественных произведений Феофана Прокоповича (драматургия, поэзия) относительно известна. Мы рассмотрим историю переизданий литературно-публицистических произведений Феофана Прокоповича на русском и церковнославянском языках в XVIII–XXI вв.

При жизни Феофана Прокоповича было издано 46 его произведений, до настоящего момента труды Ф. Прокоповича выдержали 88 отдельных изданий. Произведения Прокоповича наиболее активно публикуются при жизни Петра: за 16 лет

(1709–1725 г.) - 35 изданий; во время правления других монархов (1725–1736 г.) – только 11.

Литературно-публицистические труды неоднородны по жанрам и целям издания. Их переиздания на протяжении 3 столетий показывают изменение актуальности разных жанров, осмысление творчества этого автора в последующие эпохи, а также изменение восприятия и оценки Петровской эпохи на примере личности и творчества Прокоповича.

1) **Панегирики.** В политической жизни Петровского времени они играли заметную роль. На протяжении следующих десятилетий проповедники нередко обращались к его текстам, отдельные его проповеди продаются в лавках еще в конце 1740-х гг. Слава Феофана Прокоповича как образцового ритора и оратора на протяжении всего XVIII в. сохранялась – соответственно, его проповеди оставались актуальными. Однако почти все речи и слова Феофана (7 из 10) имеют только одно отдельное издание, т.к. печатались по определенному поводу. В дальнейшем они переиздаются только в составе собраний сочинений, различных тематических сборников и хрестоматий ([Феофан Прокопович], [Галахов], [Петр I] и др.).

2) **Богословские рассуждения** сходны по характеру с панегириками, но имеют иную судьбу: количество их изданий (5) при жизни Петра уступает светским панегирикам (13), но они продолжают оставаться востребованными и после 1725 г. Например, «О браках правоверных лиц с иноверными» - 1721, 1781; «Истинное оправдание правоверных христиан крещением поливательным...» - 1724, 1913. Появляется интерес к неизданным ранее текстам: «Рассуждение о книзе Соломоновой» издается впервые в типографии Московского университета в 1774, затем в 1784.

Период интереса к подобным текстам Прокоповича отмечен в последней четверти XVIII в. – в это время наблюдается бум изданий религиозного содержания, обусловленный в том числе усилением масонских и мистических настроений в аристократических кругах того времени. «Рассуждения» Прокоповича публикуются в частных типографиях, в том числе «масонских» (типографии Новикова, И. Лопухина и Хр. Клаудия).

В конце XIX – начале XX в. также появляются отдельные переиздания: «Слово в день св. равноапостольного князя Владимира и Дума о Богдане Хмельницком и Барабаше» (Киев, 1888), «Оправдание поливательного крещения» (М., 1913).

3) **Учебные материалы.** Самый известный текст Прокоповича подобного рода – учебник «Первое учение отроком». Первое его издание – май 1721 г., Синодальная типография Санкт-Петербурга. На протяжении XVIII в. текст 15 раз переиздавался в Синодальных типографиях Санкт-Петербурга и Москвы, а также в типографии Александро-Невского монастыря. Вероятно, в публикациях этого текста было заинтересованно государство; они были вызваны существовавшей в XVIII веке системой образования. Издание «Первого учения отроком», вышедшее в мае 1798 г., является последним, в XIX в. оно уже не переиздается. Очевидна причина – состоявшаяся в 1808 г. реформа духовных школ (см. [Знаменский]).

4) **Трактаты**, связанные с реформами и политикой Петра, например, «Правда воли монаршей» и «Духовный регламент». «Правда воли монаршей» призвана оправдать изданный Петром акт о престолонаследии. Первое издание относится к августу 1722 г.; известно берлинское издание на немецком языке, появившееся, видимо, с целью донести до Европы основания лишения престола Алексея, который был женат на Брауншвейг-Вольфенбюттельской принцессе Шарлотте-Софии. После смерти Петра «Правда» издавалась несколько раз в 1726 г. Эти издания также вызваны политической ситуацией в стране – воцарением Екатерины I.

Больше на протяжении всего XVIII в. «Правда» не переиздается, а после указа о престолонаследии Павла I она окончательно потеряла актуальность, и потому в XIX в. не публикуется.

«Духовный регламент» был написан по поручению Петра I как устав духовной коллегии. После смерти Петра I в структуре государственных и церковных отношений не произошло настолько значительных изменений, чтобы «Духовный регламент» потерял актуальность, поэтому он регулярно переиздавался и в XVIII и XIX вв. (11 публикаций).

5) **Исторические труды:** «История императора Петра Великого» (1773, 1788), «О смерти Петра Великого... краткая повесть» (1726, 1819, 183). Издания каждый раз вызваны волнами интереса к фигуре великого монарха: сперва во время правления Екатерины II [Петр I: 37], а затем в первой четверти XIX в.

6) **Хрестоматии и собрания сочинений.** Собрания сочинений Феофана Прокоповича выходили 2 раза: «Слова и речи» 1760–1774 гг. и «Сочинения» 1961 г. Однако оба издания выборочные, полного собрания сочинений до сих пор нет. Труды Феофана Прокоповича в хрестоматиях нередки и в XIX веке [Галахов], и в XX веке [Петр I], т.к. он считается наиболее ярким представителем ораторской прозы Петровской эпохи.

Таким образом, многообразное литературное и публицистическое наследие Феофана Прокоповича на протяжении XVIII–XX вв. имело различную судьбу. Часть его произведений осталась навсегда связана с XVIII в., другим же была уготована более долгая жизнь.

Литература

Галахов А. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности (от Петра I до нашего времени). СПб., 1861-1864. Т.1

Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881

Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии) / Отв. ред. С.И.Николаев. СПб., 2006.

Феофан Прокопович. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные, собранные и некоторые вторым тиснением, а другие вновь напечатанные: в 4 ч. СПб., 1760–1774.

Женский портрет в русском лубочном романе

Николашина Дарья Николаевна

Аспирантка Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Для лубочного романа как жанра массовой литературы характерно использование ограниченного арсенала средств художественной выразительности. Это продиктовано функционированием таких произведений и эстетической установкой их авторов и читателей.

Описание человеческой внешности в лубочном романе, как правило, сводится к общей характеристике производимого героем или героиней впечатления: *кавалеры не без удивления усмотрели образ столь редкой красавицы* [Францль: 13]; *Когда Еруслан лег спать, то не мог заснуть во всю ночь, понеже видя красоту прекрасной царевны Анастасии* [Еруслан: 64]. Первое, что поражает окружающих в облике главной героини, – это необыкновенная красота. При этом содержание понятия красоты лубочный роман редко конкретизирует. Обычный эпитет для любой женщины – «прекрасная». Так, в романе о Францле Венциане прекрасной названа и возлюбленная героя, и его мать, и королева, однако больше никак внешность ни одной из них не описана. В романе о Полиционе Египетском, употребив этот стандартный эпитет, автор уточняет, что прекрасная Милигриня *подлинно имела великую красоту* [Полицион: 19]. Это примечание свидетельствует о том, что обязательность такого описания, его своеобразная этикетность осознавалась автором.

Портрет красавицы далек от конкретики, даже если делается попытка разработать его подробнее. Красота героини – это прежде всего красота ее лица. О королевне Ренцывене мы знаем лишь то, что у нее было *прекрасное лицо* [Францль: 40]. Героиня

романа о милорде Георге королева Анна постоянно носит маску, опасаясь, что ее красота станет чрезмерным искушением для мужчин: *многие молодые кавалеры, заразясь прелестной ее красотой, лишились жизни* [Милорд: 256]. Сами черты при этом не изображаются, могут быть упомянуты алые губы или черные брови девушки, но не более того. Традиционны сравнения красок лица с цветами: *Прекраснейшие ее ланиты, представляющие розу и левкой, тогда были орошены радостными токами слез* [Полицион:31]. Цветочные метафоры могут относиться и к девушке в целом: *Собрание красот, ты есть цвет, насажденный на этом бедственном свете, и другого нет подобного тебе* [Полицион:64]; *Виват, Вена, ак виват, прекрасный мой цвет, ибо несть подобной тебе во всем свете!* [Париж: 61]. Такие сравнения уходят корнями в фольклорную образность.

Гораздо реже описываются другие части тела: руки, фигура. Королева Мусульмина пытается соблазнить милорда Георга, обнажив перед ним *черные свои груди, которые были изрядного сложения* [Милорд: 226]. Здесь лубочный роман часто опирается на традиционные формулы: у царевны Кандоулы *белые руки, белые груди, уста сахарные* [Еруслан: 23].

Важную роль играет одежда героини. Красивая женщина в лубочном романе – это женщина нарядная. Так, царь Вахрамей велит своей дочери надеть *драгоценное платье, и она так прекрасна стала, что и уму человеческому непостижимо прекраснее вообразить* [Еруслан: 63]. Маркграфиня Бранденбургская всегда одета в шелковые платья, ее свита из красивых девушек носит пурпурные наряды. Образ Венеры в этом романе также дан через описание одежд богини: на ней длинное разноцветное одеяние, ее волосы перевязаны золотой лентой.

О красоте героини часто судят по специально написанному портрету. Живописные изображения девушек встречаем во многих лубочных романах. В романе о Францыле на мальтийский турнир в качестве призов присланы портреты принцесс в золотых рамах, и рыцари заочно влюбляются в Ренцовену Испанскую. Полицион принимает решение отыскать Милитину, которую он полюбил, увидев на картине. Милорду Георгу показывают изображения двенадцати знатных дам, предлагая выбрать прекраснейшую, и он отпускает едкие замечания о внешности и характере каждой. Во вставной новелле в том же романе Марцимирис видит портрет принцессы Терезии и даже сердится, что художник смог изобразить красоту, которой в жизни не бывает. Но и в этом случае никогда не рассказано, как именно выглядит героиня на портрете и чем притягивает восхищенные взгляды.

В лубочном романе красота женщины – важнейшее ее достоинство, как воинская доблесть мужчины. В названиях этих произведений именно эпитеты, так или иначе акцентирующие внимание на внешности, неизменно сопутствуют имени главной героини. Но если отвагу рыцаря можно показать в сценах сражений, то образ прекрасной королевны читатель должен достроить сам, опираясь на собственные представления о женской красоте. В таком описании внешности проявляется одна из важных черт поэтики лубочного романа. Лубочный роман в основном не описывает красоту, а только *указывает* на нее. Говоря о красоте, этот жанр обращается к некому собирательному эстетическому идеалу.

Литература

История о Париже и Вене // Сборник отд. русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 90, № 6. СПб., 1913. С. 1–228.

История о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и о невообразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны. М., 1819.

История о славном рыцаре Полиционе, египетском царевиче, получившем себе за храбрость и силу в замужество прекрасную королеву Милитину, и о сыне их, дивном в героях Херсоне. М., 1833.

История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене. СПб, 1793.

Н.Е. Струйский и митрополит Платон (Левшин)

Попов Владимир Николаевич

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Вопрос о философских воззрениях поэта Н.Е. Струйского (1749–1796) ранее никогда не поднимался: его репутация [Попов] «парнасского буффона» (И.М. Долгоруков) и «исступленного графомана-строчкогона» (В.С. Пикуль) постановку такого вопроса делала неуместной. Тем не менее, загадки его повседневного поведения нуждаются в расшифровке – для решения этой задачи было бы полезно реконструировать философские основы его мировоззрения.

Более всего материала для поиска этих философских основ дает переписка Струйского (с его стороны – стихотворная) с митрополитом Платоном Левшиным вокруг его «Апологии к потомству <...>, или Начертания о свойстве нрава А.П. Сумарокова» [Струйский: 295–337], которая стала ответом на анонимную «сокращенную повесть о жизни и писаниях покойного» Сумарокова. В книге Струйского «впервые за всю историю русской литературы шла речь об этике литературной жизни, о ее нравственном облике» (А. А. Морозов). Незадолго до издания «Апологии к потомству» Струйский отдал ее рукопись на прочтение митрополиту Платону Левшину. Выбор был неслучаен – митрополит Платон благоволил Сумарокову, «поощрял представления семинаристами <Троице-Сергиевой Лавры... некоторых трагедий> [Рункевич: 52] его, а летом 1777 г. разрешил Сумарокову вступить в третий брак, невзирая на слезное прошение его матери.

Рукопись «Апологии» Струйский сопроводил стихотворным «Письмом» к митрополиту [Струйский: 287–294], который, в свою очередь, написал поэту благосклонный ответ [Там же: 338–340]. В своем «Письме» Струйский обнаруживает знание даже повседневного поведения митрополита («Но как по всякой час, ты в кротости твоей, // По всякой как здесь час ты всех и вся внимаешь»). Как и для «русских вольтерьянцев» его времени, Струйскому тоже – вполне в «соревновательном» духе – необходимо соотнести фигуру митрополита с французскими образцами, однако Струйский роднит митрополита не с Вольтером и Руссо, но с Бурдалу и Пьером Гюе («Преславный, Бурдалу; и важный Петр Гюет! <...> Почесть тебя б с собой, им равным, не стыдились»), с Фенелоном («Вы б здесь воскреснувши! могли б зреть, Фенелона?»).

Все трое жили в эпоху Людовика XIV и были страстные апологеты католической церкви (Бурдалу – красноречивый проповедник, Гюе – тонкий ученый, Фенелон – искусный сочинитель), но с важными нюансами. Гюе в молодости переболел картезианством, а впоследствии пришел к скептицизму. Отсюда призыв Гюе не замыкаться в богословских догматах, но заниматься историей: «Богословию история нужна, – ссылаясь на его авторитет Татищев. – ...История божественная и церковная, а к тому и гражданская просто необходимы, о чем Гуэций, славный французский богослов, достаточно показал» [Татищев]. Фенелон был настроен антидеспотически, о чем прямо писал в своих сочинениях.

Три эти ипостаси, полагает Струйский, и воплотились в митрополите Платоне. Таким образом, можно нарисовать собирательный образ писателя-богослова, черты которого находит Струйский в митрополите. С одной стороны, это горячий проповедник христианской веры, который готов читать свою проповедь не только королю, но и толпам еретиков – то есть христианин, поверяющий свою веру активным действием. В то же время это человек широкой образованности, склонный к рациональному мышлению и не принимающий на веру никакие догматы. Надо сказать, что поэтические аналогии Струйского были вполне реалистичны. Как Бурдалу, Платон «блистал своим ораторским

талантом» [Рункевич: 50] и был замечен Екатериною II, как некогда Бурдалу был замечен Людовиком XIV. Подобно Гюе, Платона отличал ясный рациональный ум; с Фенелоном его равняли и требование внутренней свободы, и язык «образов-понятий» (П.В. Калитин).

Все это говорит о том, что апелляция Струйского к митрополиту Платону была не случайна и может быть истолкована знанием философского учения митрополита. Это не преувеличение: митрополит Платон был именно философ – «plus philosophe que prêtre, отозвался о нем Иосиф II; этим именно Платон привлекал и Екатерину» [Флоровский]. Однако фундаментального исследования его философского наследия до сих пор нет: настоящая работа основана на трудах Г.В. Флоровского, П.В. Калитина, И.М. Снегирева.

Просветительский темперамент Струйского (поэт завел лучшую в России частную типографию) – на первый взгляд совершенно необъяснимый, поэтому странный и подозрительный [Попов] – вполне разъясняется программой Платона: «Платон был великим и увлеченным ревнителем учености и просвещения. У него была своя идея о духовенстве. Он хотел создать вновь ученое и культурное духовенство, через гуманитарную школу» [Флоровский]. Если Платон «хотел поднять и возвысить духовный чин до социальных верхов, – в век, когда его старались снизить и растворить в “третьем роде людей” и даже в безликой податной массе» [Флоровский], то Струйский, в свою очередь, требовал от современников «признать в поэте XVIII века не униженного слугу или же чиновника, бряцающего на струнах в часы досуга, но самовластного <...> князя, для которого литература была высшим законом» [Попов: 199].

Какие из сочинений митрополита Струйский читал и многие ли из его проповедей слышал, или же узнавал о его идеях в кругу третьих лиц – все эти вопросы пока остаются открытыми.

Литература

Попов В.Н. Литературная репутация поэта Н.Е. Струйского // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2009. № 4. С. 193–200.

Рункевич С. Платон (Левшин) // Русский Биографический Словарь. Плавильщиков – Примо. СПб., 1905. С. 49–54.

Струйский Н.Е. Сочинения. Ч. I. СПб., 1790.

Татищев В.Н. Предуведомление об истории всеобщей и собственно русской // Татищев В.Н. История Российская. Ч. I: <http://www.magister.msk.ru/library/history/tatisch/tatis000.htm>.

Флоровский Г.П. Пути русского богословия. Париж, 1983: <http://www.krotov.info/library/f-florov/page05.htm#7>

Семантика глагола *иметь* в языке деловой письменности Забайкалья XVIII века

Тюлькина Татьяна Николаевна

Студентка Бурятского государственного университета, Улан-Удэ, Россия

XVIII век - время кардинальных изменений всех уровней русского языка и всех сфер его функционирования. В данный период происходит формирование официально-делового стиля: расширяется жанровая принадлежность документов и состав специфической лексики, формируются новые стилеобразующие языковые средства.

Объектом нашего исследования является семантика глагола *иметь* в деловой письменности Забайкалья XVIII века [Памятники], так как данный глагол активно используется в образовании аналитических номинализаций, составляющих одну из ярких черт делового языка.

Общеславянский глагол *иметь* уже в самых ранних старославянских и древнерусских текстах характеризуется многозначностью. В процессе развития русского языка круг значений глагола постоянно меняется. В языке региональной деловой письменности XVIII века глагол *иметь* употребляется в сочетании с широким кругом слов как в формулярной, так и в основной части делового документа.

С точки зрения структуры и семантики выделяются следующие сочетания, в которых встречается глагол иметь:

1) *Иметь* + инфинитив:

а) Значение будущего времени с дополнительной семой долженствования: *губернская канцелярия замечает чинимья отъ тебя Тукаева понаровки а просителям немалыя проволочки и для того по получению сего **имеешь** ты с показанного братского вора Мансия Михаханова те покраденныя им у шуленги Булконова четыре лошади съ ялою без всякихъ приносимых отговорокъ **взыскать**...*

б) Значение долженствования без семы будущего времени: *и какъ далеко от оных к темъ повород бываетъ, о всем томъ **имеет** оная канцелярия **немедленно справитца** и учиня ведомость прислат при рапорте...*

в) Значение возможности: *брано де было у тунгусовъ для пересылки на пробу рудных знаковъ и для ж де починки железных инструментовъ в разные числа лошади по две и по три итого двенатцать лошадеи до деревни Читканской а по свозе тех инструментовъ и рудных знаковъ отпущены были обратно а более де того я не бирал в чем де **имею сослатца** на бывшии де со мною крестьянь...*

2) *Иметь* + краткое причастие:

а) Значение будущего времени: *в противном же случае естли тобою взыскание и удовольствие учинено не будетъ то все оное **взыскано быть имѣет** с тебя со штрафом...*

3) *Иметь* + существительное:

а) Обладать чем-либо: *капралу Василью Митяшеву по определению канцелярии правления пограничных дел определено тебе быть при наряженной команде которая **имеет лесъ** на строение для нынешного китайского каравана...*

б) Исполнять действие по производному глагола: *а умыслу никакого он ни к побегу ниже утечке или отлучке куда без воли команды своей никогда и ни с кемъ к тому **согласия не имелъ** и с чего такое вдругъ беспмятство к нему наступилосовершенно он Расторгувевъ по самой истине не знаетъ...*

4) *Иметь* + именное сочетание:

а) При назывании возраста человека: *и от приключившейся ему болезни и по старости ево что он от рождения **имеетъ шездесять шестои годъ** пришелъ в самое несостояние и работы никакои работать не можетъ...*

5) *Иметь* + глагольно-именное сочетание:

а) Значение возможности: *по всему тому я и винным себя не признаю а покорнееше прошу по здоровомъ и благомъ суждении всех выше описанных обстоятельствъ меня милостивно заштитить касателно жъ до учинения рацета с Калмаковым то я в томъ **исполнение учинить имею** в чемъ и подписуюсь...*

Как показывает наше исследование, формирование деловой письменности нового типа оказывает влияние на изменение семантической структуры слов, выступающих в роли стилеобразующих элементов. В семантике глагола *иметь* актуализируется ряд значений, обусловленных жанрово-стилистической спецификой использования данного глагола. Прежде всего, актуализируется либо темпоральный, либо модальный семантический компонент.

Литература

Памятники Забайкальской деловой письменности XVIII века // Под ред. А. П. Майорова. Улан-Удэ, 2005.

Поэтическая традиция в Троицкой Лаврской семинарии в 1744–1806 гг.

Хребто Анна Викторовна

Студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Сборники, созданные в стенах Троицкой Лаврской семинарии в 1744–1806 гг., предоставляют богатый материал для изучения панегирической культуры XVIII в.

В ходе работы было найдено 25 печатных и рукописных сборников, созданных в семинарии в период с 1744 по 1806 гг. Основными источниками материалов были фонды редкой книги Библиотеки Академии наук, фонды Российской национальной библиотеки а также Собрание рукописных книг Московской духовной академии в фондах Российской государственной библиотеки.

Эти сборники приурочены к различным знаменательным событиям в жизни Троицкой семинарии и служат образцом окказиональной панегирической поэзии. Панегирический характер сборников проявляется в оформлении титульного листа, на котором указан повод к созданию сборника и перечислены все регалии и заслуги адресата.

Страницы печатных и рукописных сборников украшены небольшими декоративными гравюрами. Тексты на разных языках напечатаны разными шрифтами.

Среди найденных сборников можно выделить две группы:

1) Сборники, посвященные монаршим особам (11 сборников).

Они создавались к посещению Лавры и семинарии Елизаветой (в 1744 г.), Екатериной II (1762, 1768, 1775, 1787), Павлом Петровичем и его супругой Натальей (1763, 1767, 1775, 1796).

Посещение Лавры и семинарии монаршими особами было значимым событием для ее наставников и воспитанников, требовавшим тщательной подготовки. Встреча монарха сопровождалась специальной церемонией. В «Автобиографии» митрополит Платон так пишет о том, как готовился к визиту Екатерины II в 1762 г.: *Он должности сие взяв на себя, изготовил приветствия, оду, канты, иллюминацию и на 40 человек особую торжественную одежду, с венками на главах и пальмами в руках, и речи от себя* [Автобиография: 25].

Большинство сборников начинаются одой, за которой может следовать идиллия. Эти тексты составляют основной раздел сборника. Далее следуют разделы «Стихи и речи» и «Канты». Так выглядит общая композиционная схема сборников, посвященных монаршим особам. Содержание таких сборников отражает ход торжественной церемонии встречи высокопоставленного лица.

О том, как выглядели подносные экземпляры од, можно судить по найденной в Эрмитажном собрании отдела рукописей РНБ подносной оде на 10 листах в зеленом шелковом переплете «*Ode ad Augustissimam Imperatrice Catharinam Secundam Eamque Musas [L]ud Lauram S.S. Trinitatis S.S. que Sergii incolunt. Humanitissime visitantem*» (1787). Автором оды был учитель греческого языка семинарии Антоний Палладоклис. Рукопись начинается кратким содержанием, далее параллельно на греческом и русском языках представлена ода, состоящая из монологов античных богов и философов (Паллада, Каллиопа, хор муз, Меркурий, Аристотель, Платон).

Издания, посвященные монаршим особам, демонстрируют важную роль, отведенную поэтическому произведению в придворной культуре.

2) Сборники, посвященные тезоименитству митрополита Платона.

Всего было найдено 14 сборников (8 из них рукописные), созданных в период с 1784 по 1806 г. Рукописные сборники подносились митрополиту, который просматривал их, исправлял и давал краткий отзыв. Также Платон своей рукой указывал будущий тираж печатных изданий – 100 экземпляров.

Сборники восхваляют митрополита Платона, выражают ему благодарность за покровительство и заботу. Эти издания также служили для демонстрации полученных семинаристами знаний, чем обусловлено их жанровое и языковое многообразие. Кроме од и идиллий, на страницах сборников встречаются гимны, песни, сонеты, рондо, мадригалы, стансы, фигурные стихи, а также многочисленные эпиграммы на русском, латинском, древнегреческом, французском, немецком, древнееврейском языках.

Основное содержание сборников составляли эпиграммы. Например, в сборнике 1798 г., состоящем из 47 стихотворений, 34 эпиграммы. Они располагались группами, содержащими от 5 до 70 эпиграмм.

В нескольких сборниках встретились эпиграммы на древнееврейском языке. Перевод и анализ этих стихотворений указывают на их ученический характер, в них встречаются орфографические и стилистические ошибки.

Язык определял тематическую структуру этих текстов. Обращение к образам античности здесь уже невозможно. Платон сопоставляется с Моисеем (Моисеем) и Аароном, он несет свет мудрости своим ученикам, ведет их по пути вечного блага. Созданию образа праведника служат цитаты из Священного Писания («Твое слово – свет для моих ног», «Все реки текут в море, и море заполняется»). Интересным кажется сравнение Платона с Горой («Ты – наш учитель каждую минуту, как Тора Бога»).

В сборнике 1793 г. «Песенные похвалы, которыми святейшего правительствующаго синода члена, их императорских высочеств в законе учителя, великаго господина, высокопреосвященнейшаго Платона, Митрополита Московскаго и Калужскаго и Святотроицкия Сергиевы лавры Священно-Архимандрита, в день тезоименитсва его высокопреосвященства Лаврская семинария всеусерднейше приветствует» представлены образцы фигурных стихов, характерных для стиля барокко.

Изучение окказиональных панегирических стихотворений, которыми семинаристы поздравляли с тезоименитством митрополита Платона, и их сопоставление с нормами школьных поэтик, использовавшихся в Троицкой Лаврской семинарии, показывает, что поэтическая традиция семинарии, основанная на идеях стиля барокко, сохранилась до конца XVIII – начала XIX вв.

Литература

Автобиография Платона, Митрополита Московскаго. М., 1887.